

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

К. Д. Бугров

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ АВТОРЫ XVI–XVII вв. О РОССИИ

С конца XV – начала XVI в. интерес католической Европы к Московскому государству начинает расти. Этот рост имел ряд причин. Прежде всего в годы правления Ивана III наблюдалось усиление международной роли России; кроме того, в XVI в. западнохристианский мир раскололся на протестантский и католический блоки, находившиеся в состоянии конфронтации. В это же время в ходе турецкой экспансии одно за другим исчезли все независимые православные государства. Таким образом, православный лагерь (если он действительно существовал как единое целое) ушел в прошлое, и Россия осталась единственной страной, исповедующей ортодоксальное христианство. Следовательно, Россия оказалась конфессионально нейтральной страной по отношению к противоборствующим лагерям протестантов и католиков. В этом заключалась, на наш взгляд, уникальность ее положения.

Еще в XIX в. В.О. Ключевский перечислил 33 иностранных автора XV – XVII вв., писавших о России, и список этот до сих пор не претерпел принципиальных изменений: XV в. — де Ланноа, Барборо, Контарини; XVI в. – Меховский, Герберштейн, Кампенский, Павел Иовий Новокомский, Ченслер, Дженкинсон, Гваньини, Ульфельдт, Кобенцель, Поссеви-

но, Боус, Горсей, Флетчер, Давид; XVII в. – Маржерет, Паерле, Масневич, Петрей, Олеарий, Мейерберг, Карлейль, Коллинс, Стрейс, Рейтенфельс, Лизен, Таннер, Авриль, Невилль, Корб¹. В данной статье анализируются только сочинения представителей ведущих католических стран, в обзор не были включены сочинения поляков (Меховский и др.) и разного рода авантюристов (Генрих Штаден, например).

Католические авторы XV–XVI вв. опубликовали ряд работ, посвященных истории России. Не все они посетили страну, которую описывали. В Московии побывали венецианский посол Амброджо Контарини, имперский посол Сигизмунд Герберштейн, папский легат Антонио Поссевино. Но не меньший интерес к России проявили и те, кто в ней никогда не был: католические богословы Альберт Кампенский, Иоганн Фабри и др. Публикации этих авторов оказали, по сути, решающее воздействие на формирование отношений России с католической Европой, воздействуя как на общественное мнение, так и на «московскую» политику пап, королей и императоров, которые часто являлись непосредственными адресатами таких сочинений.

Центральным моментом в оформлении отношения католической Европы к России был, естественно, религиозный, причем он не оставался неизменным, а со временем изменялся. Исследуя сочинения католиков на «московскую» тему, можно проследить и те трансформации, которые претерпевала сама католическая церковь.

Интересной особенностью формирования этих отношений было то, что католический лагерь не отличался единством: политика римской курии не всегда совпадала с политикой католических корон — испанской, австрийской, французской, польской. Но именно в московском вопросе эта двойственность стала чуть ли не решающим фактором: попытки Рима наладить диалог с Москвией постоянно наталкивались на сопротивление польской короны, которая относилась к России враждебно. Римскому престолу приходилось лавировать: выстраивая отношения с великим князем, одновременно разрушать их через сотрудничество с польским королем. К концу XVI в. политика сотрудничества с Польшей, казалось, принесла свои результаты, но затем это обернулось длительным кризисом в отношениях России с католическим миром. Проблема заключалась еще и в том, что в конце XVII в. лидерство в мире католицизма перешло от Габсбургов² к Франции, негативно настроенной по отношению к России. Эти изменения политической ситуации нельзя сбрасывать со счетов.

Автора данной статьи интересуют не все сочинения о Московском государстве, поскольку для полного анализа темы Московии в литературе стран католического лагеря потребовалось бы гораздо большее по объему исследование. Мы сконцентрируем внимание лишь на текстах, представляющих безусловную значимость для описания общего направ-

ления, в котором развивались контакты католиков с Россией, т. е. в первую очередь на трудах выходцев из стран, игравших в католическом лагере ведущую роль. В XVI – начале XVII в. такой страной являлась держава Габсбургов, а во 2-й половине XVII в. — Франция Людовика XIV³.

Большим стимулом для изучения и описания Московии стала нараставшая турецкая угроза. Ведь именно поиск новых перспектив антитурецкого альянса заставили венецианцев Иосафата Барборо и Амброджо Контарини отправиться в Персию с предложениями этого альянса шаху. Барборо двигался по морю (1473 – 1479) и в Московию не попал, но упомянул о ней в своих путевых записках (написаны в 1488 или 1489 г.). Отправленный ему на помощь в 1474 г. Контарини продвигался уже по суше, через степи Причерноморья, из-за опасности со стороны турецкого военного флота. На обратном пути Контарини в 1476 – 1477 г. проехал через Московию: он поднялся вверх по Волге, а затем по Оке, находясь во владениях великого князя в течение четырех месяцев. Труд Контарини, впервые изданный в 1478 г., по сути, открыл Московию для Европы. Нельзя сказать, чтобы о Московском государстве совсем ничего не было известно до этого знаменательного события, но путешествия Контарини и Барборо познакомили широкую общественность католической Европы с Московией, так сказать, из первых рук. Венеция, Рим, Габсбурги начали расценивать великого князя Московского как потенциального союзника против султана⁴.

Заметим, что «Путешествие в Персию» Контарини было напечатано на итальянском языке и вышло сравнительно небольшим тиражом. Эта книга, не будучи посвященной целиком Московии, явилась все же первым сочинением, освещающим московскую тему сколько-нибудь обособленно. О вероисповедании московитов Контарини сухо сообщает: «У них есть свой папа, как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди»⁵. Несмотря на свою краткость, это сообщение видится важным, даже, может быть, ключевым для понимания всей дальнейшей политики католической церкви в отношении к Московии.

В конце XV – начале XVI в. русское продвижение в Поволжье вызывало беспокойство султана и его вассала — крымского хана. В это же время Польско-Литовское государство из-за острой борьбы с Габсбургами в Венгрии (Польша даже предоставила убежище врагу Фердинанда Габсбурга, неудачливому претенденту на венгерский трон Яношу Запольяи) вышло из рядов антитурецкой коалиции. Османская империя и Польша перестали быть открытыми соперниками, и это отразилось в политике крымского хана, который еще в 1505 г. поддержал враждебную Московии партию в Казанском ханстве. Турция также потребовала от Московии признания нового статуса Казани. Именно московская терри-

тория начала подвергаться опустошительным набегам из Крыма, нередко поддерживаемым османскими войсками⁶. Союзный договор между Москвией и императором Максимилианом I был заключен в 1514 г. Такова в общих чертах характеристика процессов, приведших к складыванию традиционного русско-австрийского союза на антитурецкой основе, — одной из самых длительных по времени внешнеполитических реалий России, которую, к сожалению, попытались забыть в XIX в. С конца XV — начала XVI в. Россия — союзник Габсбургов не только в борьбе с турками, но и в противодействии Польше. Разумеется, эти союзные отношения были довольно эфемерными, как и все международные альянсы XVI в.

В конечном итоге политические хитросплетения вели к тому, что противники султана должны были искать более тесных связей с Москвией, что осложнялось интригами Ягеллонов. Один из католических авторов даже отмечал: «От короля Польши, государя благоразумного и весьма набожного, тем не менее в деле, касающемся московитов, нельзя ожидать ничего хорошего... В этом деле — пусть во всем остальном король Польши и является наихристианнейшим государем — я никоим образом не доверял бы ему и, следовательно, также Польше»⁷. Интерес к России в начале XVI в. проявили голландец Альберт Кампенский, состоявший при папской курии, немец Иоганн Фабри, советник эрцгерцога Фердинанда Габсбурга, и итальянский гуманист Павел Иовий. Сведения для этих трактатов были получены из бесед с дипломатами, купцами, прочими путешественниками, посещавшими Московию.

Альберт Кампенский — голландец из Оверэйссела, наставником которого был знаменитый Адриан Флоренс, в свое время воспитывавший малолетнего императора Карла V. Позднее, в 1522 г., Адриана Флоренса при поддержке Карла V избрали папой, а Альберт Кампенский стал при нем камергером, сохранив эту должность и при следующем папе, Клименте VII. В 1520-е гг. он был одним из наиболее активных сторонников и идеологов крестового похода против турок. С началом в 1519 г. Реформации в Германии Альберт Кампенский стал ее непримиримым противником. В 1538 г. он издал сочинение «Церковная иерархия», где вступил в полемику с протестантами.

Трактат «О Московии» он написал в 1523 — 1525 гг., как раз тогда, когда в Германии полным ходом шла борьба протестантов с католиками. Этот трактат представлял собой послание, адресованное папе Клименту VII, и был напечатан в 1543 г. в Венеции. Основная идея сочинения декларирована еще во вступлении: «Если тот евангельский пастырь, подлинно великий Понтифик, наместником коего ты, Климент, являешься среди нас, с такой старательностью и заботливостью искал одну заблудившуюся овцу из ста... то кому не понятно, сколько усердия действительно должен приложить верховный пастырь Церкви, когда не одна

из ста, но многие сотни заблудших душ желают возвратиться в стадо Христово? Вот почему не могу надивиться, о чем же думали предшественники Твоего Святейшества, которые доселе не обращали внимания на этот весьма многочисленный народ московитов, расходящийся с нами в немногом и весь осужденный на погибель за отложение от церковного единства, вместо того, чтобы всеми силами возвращать его к церковному единству, в особенности имея возможность сделать это... с незначительными трудами»⁸. В этом витиеватом обращении мы видим следующие существенные для нас моменты: для Альберта Кампенского очевидно, что различия между московитами и католиками незначительны и что московиты готовы пойти на церковное объединение с Римом. Эти моменты и являются основными во всем его сочинении. Особенно подчеркнуто, что московиты выгодно отличаются от лютеран, которые, «неистовствуя и безумствуя, в злобе и умопомрачении восстали против достоинства и власти сей (католической. — К. Б.) церкви»⁹. Именно эти соображения, на наш взгляд, оказались основой того пристального интереса к России, который можно наблюдать в католическом мире в начале XVI в. Альберт Кампенский даже подчеркнул, что ради союза с московитами католическая церковь может пренебречь интересами одной из католических корон — польской.

Иоганн Фабри, прославленный борец с Реформацией, с 1524 г. был личным исповедником эрцгерцога Фердинанда Габсбурга и коадьютором венского епископа (а впоследствии, в 1530-е гг., сам стал венским епископом). В 1530 г. он был одним из главных вдохновителей «Опровержения» на «Аугсбургское вероисповедание» Лютера и Меланхтона. Фабри осуществлял руководство альтернативным лютеровскому переводом Библии на немецкий язык. К теме Московии он обратился еще в 1525 г., в самом начале борьбы с Реформацией, написав трактат «Религия московитов». Основой этого трактата, адресованного эрцгерцогу Фердинанду, были беседы Фабри с послами Василия III, возвращавшимися из Испании от императора Карла V. Трактат был опубликован в 1526 г. в Базеле.

В этом сочинении Фабри приходит к выводам, сходным с теми, которые сделал Альберт Кампенский (а работали эти авторы почти в одно и то же время и независимо друг от друга). Коротко рассказав о названии, происхождении и управлении московитов, Фабри стремительно переходит к главному вопросу: «Но важнее всего то, что они держатся христианской веры, которая, как они утверждают, им была первоначально возвещена Святым апостолом Андреем, братом Симона Петра... И таково их смирение, что все однажды установленное святыми отцами на соборах никто никогда не осмелился бы подвергнуть сомнению»¹⁰. Далее он отмечает: «Они всегда и по праву признают, что римский понтифик... вы-

ше константинопольского патриарха»¹¹. Это новшество, и такого мы еще не встречали у авторов, писавших о Московии.

Фабри восклицал, обращаясь к эрцгерцогу: «Отчего, Светлость Твоя, ты не мог никак надивиться, как случилось, что люди, ожесточенные беспрестанными войнами и не имевшие никогда мира, столь твердо держатся стародавней своей религии? Немцы же все довольно давно уже отошли от Христа»¹². Немецкие католики должны были воспринять тезис Фабри очень болезненно: корона римских императоров пала ниже короны безвестного и далекого московского правителя, который в тяжкие времена выказал больше мужества, чем германские наследники римского величия.

Все сочинение Фабри пронизано уверенностью в том, что Московское государство — это воплощенный контраст по отношению к погрязшей в ереси Германии. Для него Московия оказывается страной, которая в условиях тяжелого окружения «нехристей» сумела сохранить свою веру в чистоте, не допуская никаких расколов. Именно это более всего привлекает Фабри в религии московитов: прежде всего, московиты подчиняются своим иерархам и ведут себя лояльно и почтительно.

Третьим крупным автором, писавшим о России в XVI в., был Павел Йовий, итальянец из Комо (отсюда его прозвание — Новокомский). Будучи, по сути дела, политическим публицистом, а также уважаемым историком, он пользовался расположением папского двора, позднее — французского короля и герцога Козимо Медичи. Еще в 1525 г. Йовий написал «Книгу о посольстве Василия, князя Московского, к папе Клименту VII», которая была издана в Риме в том же году. Уже в 1536 г. ее перевели на немецкий язык.

О религии московитов Йовий сообщил следующее: «Пятьсот лет тому назад московиты чтили языческих богов, то есть Юпитера, Марса, Сатурна и многих других... А в таинства веры Христовой посвящены они были впервые тогда, когда греческие епископы, не слишком постоянные в своих мнениях, стали выражать несогласие с латинской церковью... Они придерживаются почти тех же обрядов, которые в употреблении у греков, гордо и упорно отрицая, что римской церкви принадлежит верховная власть над всеми прочими»¹³. После краткого перечисления различий московитской и римской конфессий, он замечает: «В прочих вопросах, касающихся религии, они с замечательной твердостью держатся того же, что признаем и мы»¹⁴.

Таковы три основных труда, написанных о Московии в 1-й половине XVI в. Два из них предназначались папе Римскому (работы Альберта Кампенского и Павла Йовия), а один — австрийскому эрцгерцогу (сочинение Иоганна Фабри). Все эти авторы были людьми образованными, влиятельными и относились к элите католической церкви. Альберт Кам-

пенский и Иоганн Фабри — интеллектуалы и ученые, те самые люди, благодаря которым католическая церковь сумела пережить страшное для нее начало XVI в. Именно они (и подобные им) на своих плечах вынесли борьбу с протестантскими богословами, и не случайно именно они обращались мыслью к далекой Московии. Им казалось, будто там действительно существует справедливо устроенное царство, пусть даже населенное схизматиками — но людьми, преданными христианской идее больше, чем европейские короли, отвернувшиеся от нее в трудный час. Это горький упрек немцам: московиты хотя и «живут вне церковного единства», зато, «как кажется, лучше нас (немцев. — К. Б.) следуют Евангелию Христа... Поэтому если оценивать прежде всего по делам, а не по обманчивым титулам, то окажется, что он [московит] является воистину христианским государем, а наши с их пышными титулами будут признаны хуже язычников и схизматиков»¹⁵.

Несколько по-иному Московию оценивал в своем сочинении «Записки о московитских делах» имперский посол в Россию барон Сигизмунд Герберштейн, представитель австрийского эрцгерцога Фердинанда. В 1517 г., а позднее в 1526 г. Герберштейн посетил Москву как посол империи. Нет сомнений в том, что имперский дипломат был добрым католиком (существует мнение, что именно поэтому попытка издать «Записки» в протестантской типографии в Тюбингене провалилась).

Главу о религии Герберштейн ввел в текст лишь во время своего второго путешествия в Московию — в 1526 г. Одно это кажется показательным. На наш взгляд, опытный имперский дипломат, побывавший при дворе султана Сулеймана Великолепного, постоянно посещавший Венгрию и Польшу, не проявил пристального интереса к религиозным проблемам, в том числе и связанным с Россией. «С самого начала и до сего дня русские пребывают в христианской вере греческого исповедания... — подчеркнуто нейтрально констатировал Герберштейн. — В их святцах есть несколько римских пап, которые почитаются в числе святых; других же, которые жили после знаменитого раскола, они проклинают за то, что те отступили от правил апостолов, святых отец и семи соборов, и называют их язычниками и раскольниками, ненавидя их более, чем даже магометан»¹⁶. Рассказав на нескольких страницах о религиозных обычаях русских, Герберштейн затем пишет: «Что между нами и ими есть разница в вере, можно узнать из следующей грамоты, которую митрополит русский Иоанн послал к (папе или), как они говорят, к римскому архиепископу»¹⁷. За этими словами следует текст грамоты, содержащий вкратце те обрядовые черты, которыми православные отличаются от католиков: пост в субботу, celibат, конфирмация, опресноки и догмат о *filioque*. Но этот текст принадлежит не Герберштейну, а митрополиту Иоанну, и отсюда невозможно узнать, что сам имперский посол думал на этот счет.

Впрочем, схизму Герберштейн все-таки упоминает в главе «Пост»: «В Москве мы узнали, что константинопольский патриарх по просьбе самого москвитя прислал некоего монаха, по имени Максимилиан, чтобы он по здравом суждении привел в порядок все книги, правила и отдельные уставы, относящиеся к вере. Когда Максимилиан исполнил это и, заметив много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни римскому, ни греческому закону, — итак, повторяю, когда он сказал это, то, хотя государь очень благоволил к нему, он, говорят, исчез, а по мнению многих, его утопили. За три года до нашего приезда в Московию некий греческий купец из Кафы, Марк, как говорят, сказал то же самое и также был схвачен и убран с глаз долой»¹⁸. Но и здесь Герберштейн лишь передает то, что сам видел, никак не обозначая своего отношения к московитской реальности, как бы оставляя выводы на усмотрение читателя. Вряд ли его книга как-то повлияла на развитие отношений России и католического Запада, хотя сочинение Герберштейна считалось самым лучшим из описаний Московии. Но его точность, описательность и отсутствие авторской позиции делают книгу Герберштейна мало полезной при изучении развития контактов с католиками.

Описания Московии начала XVI в. произвели глубокое впечатление на просвещенную публику того времени. Франсуа Рабле, который в 1534 г. издал «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля», вставил в нее один интересный эпизод. Он связан с конфликтом отца Гаргантюа — добродушного короля-великана Грангузье — и его соседа, короля Пикрохола, который, используя никчемный повод, объявляет Грангузье войну. Еще не выиграв ни одного боя, Пикрохол и его советники — герцог де Шваль, граф Буян и военачальник Молокосос — строят планы покорения Европы и всего света. По мысли этих «стратегов», следует разделить армию на две части: одна должна направиться на Испанию, Африку и Турцию, а вторая, через Германию, на восток Европы — в Пруссию, Польшу, Московию. На вопрос Пикрохола: «Я боюсь только этих чертовых легионов Грангузье. Что, если пока мы будем в Месопотамии, они ударят нам в тыл?», — генерал Молокосос отвечает: «Вам стоит только послать москвитам краткий, но грозный указ — и в тот же миг под ваши знамена станет четыреста пятьдесят тысяч отборных бойцов»¹⁹. Сам по себе этот пассаж, конечно, сатиричен, но прекрасно иллюстрирует сложившееся в начале XVI в. представление о военном могуществе москвитов.

Наступивший во 2-й половине XVI в. следующий этап развития культурного диалога внес новые коррективы. Католическая церковь после Тридентского собора (длившегося в три сессии с 1545 по 1563 г.) перешла в контрнаступление. Главным оружием в этой борьбе со стороны

католиков стал мощный орден иезуитов: «...в великой борьбе между католицизмом и протестантизмом папство сразу же послало орден на передовые позиции»²⁰. Неудивительно поэтому, что ярким выражением нового подхода в отношении России явилась книга секретаря генерала ордена иезуитов Антонио Поссевино, выразившего новое отношение к России, в котором старые подходы сочетались с новыми идеями, навеянными активизацией католицизма.

Антонио Поссевино был одним из наиболее заметных деятелей иезуитского ордена. Итальянец из Мантуи, он вступил в орден в 1559 г. и сразу же проявил огромные способности. В 1560 г. Поссевино действовал против Реформации в Савойе, в 1565 г. — во Франции, где основал коллегия иезуитов в Авиньоне.

В 1572 г. карьера Поссевино вступила в новую, самую блестящую фазу — он сделался секретарем генерала ордена, Аквавивы, а также «апостольским легатом и викарием всех северных стран». В связи с этим Поссевино отправился на восток Европы, где начал действовать в Польше и Швеции (в частности, он оказал сильнейшее влияние на молодого принца Швеции Сигизмунда, позднее — польского «короля иезуитов» Сигизмунда III).

А в 1581 г. Поссевино расширил поле своей деятельности, посетив Россию в качестве папского посла к Ивану Грозному. После этого путешествия, в 1582 – 1583 гг., Поссевино отредактировал и довел до логического единства три сочинения: «Московия», «Ливония» и «Трансильвания», касавшиеся того, как католическая церковь должна действовать в Восточной Европе.

Трактат «Московия» очень важен для исследования восприятия России католическим сознанием: в нем Поссевино пошел гораздо дальше простых путевых записок. Он приводит панорамное рассуждение о том, каково положение римской церкви в Московии и в Восточной Европе вообще, какие методы следует выбирать для распространения католического влияния, наконец, о том, зачем вообще следует проявлять к России такое пристальное внимание.

Поссевино в главе «Московский князь и схизма» отмечал: «Можно с полной уверенностью утверждать: народы северных областей, и в особенности те, из сердец которых истинная религия не изгнала дикости, чем более чувствуют себя лишенными разума, тем более становятся подозрительными. Поэтому то, чего они не умеют добиться разумной деятельностью, того они стремятся достичь хитростью и силой (а московиты также и упорством)... Конечно, совсем не удивительно, что тот, к кому перешла высшая власть над своими людьми вместе с неким подобием христианской религии и кто не видел могущества других государей, считает себя выше всех (к этому нужно добавить постоянную лесть и славо-

словие подданных)»²¹. Конечно, такие утверждения уже шли вразрез с соображениями, высказанными в свое время Иоганном Фабри и Альбертом Кампенским. Можно сказать, что подход Поссевино реалистичнее: «Что касается его схизмы, трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает ее приемлемой на вечные времена. Мало того, он скорее что-нибудь к ней прибавит, чем убавит. Ведь тот, кто удаляется от чего-нибудь, чем дальше уходит, тем ниже падает (это всякий видит на примере реформистов нынешнего века), так же случилось и с москвитями, отделившимися от схизматиков-греков... начавшими в своем величайшем невежестве говорить много вздора, не зная ни книг, ни занятия науками...»²². Это — явное противоречие уверениям в том, что москвиты только и ждут, чтобы вернуться в лоно католической церкви, признав унию.

Можно предположить, что, когда после Тридентского собора католическая церковь вновь начала активно действовать, ей пришлось проверить на прочность ряд гипотез, выдвинутых ранее. Московия в реальности оказалась не совсем такой, какой ее представляли в католических странах. Если труд Герберштейна был нейтрален по отношению к московитской вере, то из сочинения Поссевино ясно видно: великий князь считает «схизму» «приемлемой на все времена». Из столкновения с московской реальностью стало ясно, что схизму не так-то легко преодолеть, а «москвит» — совсем не тот боец за веру, которым его представил Фабри. Что же предлагал Поссевино на этот счет?

«Ведь Господу нашему легко в один миг обогатить бедного и заставить агнца жить вместе со львом. И если само старание установить дружбу с московским князем и другими христианскими государями будет иметь продолжение... нельзя и выразить, сколь большие выгоды оно при этом принесет, в особенности если те, кто будет этим заниматься, поставят целью одну лишь славу Божию»²³, — писал Поссевино, далее подробно излагая, как надо организовывать посольства в Московию, какие нужно иметь при себе книги, письма и подарки. Интересно, что при перечислении книг он заметил: «...книги же венского епископа Иоганна Фабра, Альберто Кампензе и Гваньини, рассматривающие вопросы религии русских, не таковы, чтобы из них можно было почерпнуть советы для споров с москвитями и для их обращения... Я уже не говорю о том, что к книгам Герберштейна, изданным в Германии, еретики добавили много такого, что не только не осуждает схизму, но даже подрывает истинную веру»²⁴.

Несоответствие России возлагавшимся на нее надеждам католических богословов начала XVI в. не вызывало у Поссевино уныния. Одну из глав своего сочинения он назвал «Трудности, перспективы и способы введения в Московию католической религии», где указал, что это «введе-

ние» будет делом возможным, но, безусловно, трудным, так как «подавляющая часть народа не знает, что такое схизма. У них никогда не было никого, кто показал бы им, что те обряды и догмы религии, которых они придерживаются, далеки от истинной (разумеется, католической для Поссевино. — К. Б.) веры. А если бы к ним даже и приехал какой-нибудь католический священник, у него может возникнуть опасение, нужно ли вообще внушать сомнение в своей схизме людям невежественным»²⁵. Но все эти трудности, по мнению иезуита, не должны отвращать католиков от дальнейшей деятельности в России.

Можно сказать, что видение Московии католической Западной Европой изменилось: вместо восторженного изумления, эйфорической радости открытия появилась своего рода настороженность. И это было связано не только с тем, что западноевропейские католики в конце XVI в. гораздо ближе познакомились с Россией. При Иване Грозном Россия впервые вступила в разгоравшийся по всей Европе религиозный конфликт католиков и протестантов. Речь идет, конечно, о Ливонской войне. Ведь для Поссевино было очевидно: Иван Грозный напал на Ливонию, желая изгнать оттуда еретиков-лютеран! По мнению Поссевино, это самый лучший довод в пользу продолжения диалога с москвитями. Больше того, надо думать, что и само недоверие москвитов к католикам произошло по недоразумению: «Так как в Московию обычно приезжают для торговли лютеране из Германии, кальвинисты и прочие еретики из Англии, то они уже давно занимают два храма именем римской церкви, к которой они принадлежат, как они говорят этим людям, совсем неискушенным в подобных вещах»²⁶. Так что, если действовать упорно и настойчиво, можно будет — как казалось Поссевино — привести русских в лоно унии.

Между прочим, идея Поссевино противоречит волне антирусских памфлетов, которая захлестнула Германию в связи с тем, что Иван Грозный оккупировал территорию Ливонского ордена, являвшегося вассалом императора. Это не случайно: национальное движение в Германии в те годы исходило в основном от протестантов; вряд ли им было приятно видеть, как недавно обратившаяся в лютеранство Ливония подверглась военному разгрому. Поссевино же прямо говорит в трактате «Ливония»: «Сначала в Германии, а потом через посредство германцев в Ливонии появилась богомерзкая лютеранская ересь... Между тем... московский князь... вознамерился подчинить себе Ливонию... Чтобы иметь более благовидный предлог для объявления войны, москвит, говорят, произнес следующие слова: "Если римский папа и римская империя... могут спокойно переносить, что их священников и монахов преследуют злопредные лютеране, мы не можем позволить, чтобы эта секта, которая влечет за собой полную гибель всего, безнаказанно свирепствовала в на-

ших владениях". С тех пор величайшая ненависть к лютеранам завладела московитом». И хотя ниже Поссевино добавляет: «Однако, чтобы не погрешить против истины, надо сказать, что сам он, вторгнувшись в Ливонию, все ранее принадлежавшее католикам или совершенно уничтожил или по крайней мере осквернил...»²⁷. Все-таки главное для него — это ненависть «московита» к лютеранам.

В ходе своего путешествия Поссевино провел несколько диспутов (если их можно так назвать) с царем Иваном. Пересказывать их ход мы здесь не станем — диспуты совершенно провалились: Поссевино доказывал целесообразность и выгоду перехода в католичество (точнее, подчинения русской церкви Риму), а царь, в свою очередь, выдвигал к папе Римскому претензии вроде: «почему папа бреет бороду?». При этом приближенные Ивана предлагали царю окончить диспут, «утопив Антонию в реке». Тем не менее сам факт подобного «диспута» примечателен.

Визит Поссевино не принес католической церкви ощутимых выгод. Мнимая приверженность Ивана Грозного католицизму оказалась мифом (какой удар бы постиг Поссевино, если бы тот был в деталях осведомлен о тех интенсивных контактах, которые Иван Грозный поддерживал с английской «королевой-еретичкой» Елизаветой). А вскоре произошло событие, означавшее, что отношения России и католической церкви перешли в иную стадию: речь идет о событиях Смутного времени и связанной с ней волне католической пропаганды в Западной Европе²⁸. Сам Поссевино внес сюда значительную лепту, написав и издав в 1605 г. в Венеции под псевдонимом Бареццо Барецци сочинение под названием «Повествование о чудесном завоевании отцовской власти яснейшим юношей Дмитрием». Всплеск активности католической пропаганды был тесно связан с успехами поляков в России. К сожалению, он привел только к осложнению отношений после того, как польская экспансия в Московии была остановлена, и это ослабило и без того шаткие позиции католицизма в России.

Вопрос о контактах России и католической Европы в XVII в. является более сложным, чем история этих контактов в предыдущем столетии. Это связано с тем, что Тридцатилетнюю войну католический лагерь проиграл (т. е. экспансии католицизма был положен предел, и политика контрреформационного лагеря, не предусматривавшая возможности мирного сосуществования разных конфессий, стала бесперспективной). И с 1648 г., момента заключения Вестфальского мира, религиозный фактор начал играть несколько меньшую роль (хотя, конечно, не сошел со сцены)²⁹.

Очевидно, что новая династия Романовых проводила в отношении католиков специфическую политику. Нельзя сказать, чтобы это была принципиально новая политика: терпимостью Московия никогда не отличалась, но при Романовых уже не было, например, диспутов с католиками, подобных тому, который провел Иван Грозный с Поссевино. Нема-

ловажную роль здесь должна была сыграть именно та двойственность отношений с католическим Западом, о которой мы уже упоминали. Россия, например, способствовала повороту хода Тридцатилетней войны в пользу протестантов, атаковав католическую Польшу в 1632 г.³⁰ Позднее Россия вмешалась в ход религиозного конфликта, развернувшегося на польских территориях, участвуя в войнах Богдана Хмельницкого³¹.

Солидарность папского престола с польской короной в организации католической экспансии на восток после победы второго ополчения стала гарантом того, что нетерпимость московитов в отношении к католикам, о которой писал уже Поссевино, осталась неизменной.

Протестанты, в свою очередь, одобрительно отнеслись к тому, что Московия готова оказать им содействие. Шведский король Густав-Адольф, прозванный Северным Львом, перед походом в Германию против католиков писал в грамоте русскому правительству о том, что польский король вступил в союз «с римским цесарем и королем испанским, умыслили [они] искоренить все христианские вероисповедания и вместо них установить повсюду свою папешскую веру и подвести под себя все христианские государства и всю Европу». Позднее в сообщении о гибели Густава Адольфа в 1632 г. под Лютценом шведы сообщали, что король пал «в бою с католиками за христианскую евангелическую и за старую греческую веру»³².

Краткий обзор мнений иноземцев о России привел в сочинении «Беседы о правлении» (1663) хорват Юрий Крижанич, также католик по вероисповеданию и ученик иезуитской коллегии, посвятивший теме диалога целый раздел под названием «Ответ на хулу, клевету и соблазны чужеземцев». Здесь очень четко просматривается деление иноземных авторов по религиозному признаку: «Нам надо заметить, что четыре первых писателя — Герберштейн, Пернштейн, Поссевино и Джовио — были людьми римской веры. И поэтому они не ругают [нас], не срамят и не преувеличивают наши грехи. Но, напротив, они хвалят то хорошее, что видели, и особенно Пернштейн пишет, что люди здесь ревностно ходят к богослужениям... Так добрые [люди] хорошее говорят, а о дурном молчат, даже если что и знают. А дурные [люди] о хорошем не упомянут, но лишь расписывают и вдесятеро преувеличивают [все] дурное... Ведь Адам Олеарий, и Петрей, и Яков-датчанин... были людьми лютерово́й ереси, и оттого они говорили по своему обычаю и учению. Ибо надо знать, что Лютер и его последователи ничего не могли и не могут поставить в вину римской церкви, кроме греховной жизни церковных людей. Поэтому они ничего иного не делают, а только расписывают поповские грехи и тем [самым] вводят людей римской веры в свою ересь. Здесь они, следовательно, поступают так же: расписывая и преувеличивая грехи русских, стараются этим осквернить и погубить православную веру»³³.

Это разделение, на наш взгляд, является, по сути дела, тождественным тому, как католическая церковь могла бы выстраивать отношения с Россией; авторы-католики со своих позиций *не видели* серьезных преград для сближения русской церкви с католической, зато очень ясно указывали, что бояться объединения московитов с еретиками-протестантами не стоит. Согласно католическим размышлениям XVI – начала XVII в. на «московскую тему», несомненным плюсом московитов являлось то, что в их рядах не бывает противоречий (произошедший позднее, в середине XVII в., раскол Русской православной церкви не укладывался в эту схему, но к тому времени католицизм уже не был озабочен претензиями на универсализм). Столь похвальное единообразие и иерархичность церковной организации ортодоксов являлись тем, к чему в эпоху Контрреформации стремились католики. Таким образом, идея объединения, диалога оказывалась шире простой политической уловки.

В 70-е гг. XVII в. был разработан еще один план обращения Московии в католичество. Автором его был поляк Яков Рейтенфельс, близкий к иезуитам. Он посетил Москву в 1671–1673 гг., после чего, став приближенным герцога Тосканы Козимо III, составил собственные записки, а также представил в католическую Конгрегацию пропаганды веры 4 записки с планом осуществления унии католической и православной веры. Затем, в 1686 г., чешским иезуитом Иржи Давидом в Москве была основана первая постоянная католическая миссия в России, которая должна была в дальнейшем продвигать католическое влияние на Восток, в Китай.

Своеобразным финалом в рассуждениях католических авторов XVII в. явилось сочинение французского путешественника (и одновременно тайного осведомителя дипломатической службы Франции), члена ордена иезуитов де ла Невилля³⁴. Невилль, католик и иезуит, составил подробнейшее описание России первых лет правления Петра I — «Любопытные и новые известия о Московии», — предназначенное для его могущественного патрона Людовика XIV (и, возможно, для генерала иезуитского ордена). Этот факт заслуживает внимания. Нельзя сказать, чтобы французская корона ранее не проявляла интереса к Московии (например, Генрих IV лично встречался и беседовал на «московскую тему» с наемником-французом Жаком Маржеретом, воевавшим на стороне гугенотов еще в годы юности короля, а позднее служившим у Лжедмитрия I; в 1606 г. Маржерет издал в Париже книгу «Состояние Российской империи и великого княжества Московии»). Впрочем, «французы открыли для себя Россию позже других европейцев – немцев, итальянцев, голландцев, англичан». ³⁵ Но сочинение де ла Невилля представляет интерес именно в рамках вопроса об отношениях католического лагеря к Московии.

Дело в том, что в конце XVII в. религиозный конфликт получил новое развитие в ходе борьбы Людовика XIV с протестантскими морскими

державами — Англией и Голландией. Французский король здесь выступал в роли покровителя католиков на протестантских территориях, боролся с гугенотами внутри самой Франции. Под покровительством Людовика XIV пережил свой последний взлет орден иезуитов.

В то же время Франция в конце XVII в. оказалась сильнейшей европейской державой, способной претендовать на европейскую гегемонию. Притязания Людовика XIV в значительной степени поддерживались его ролью покровителя и защитника католицизма. Таким образом, интерес дипломатического ведомства Франции к далекой России был и признанием того, что Россия теперь может участвовать в масштабных западноевропейских конфликтах на равных³⁶.

Описание России, составленное для Людовика XIV, отличалось от идеалистических описаний Фабри, адресованных Фердинанду Австрийскому в середине XVI в. Французская дипломатия времен «короля-солнца» славилась разветвленной системой сбора информации, и де ла Невилль уже не питал никаких иллюзий по поводу близости русской и католической церквей: «Вера у москвитян греческая, но ее можно назвать архисхизматическою, ибо она изобилует ужасными суевериями, созданными их невежеством, так что москвитян можно назвать полуидолопоклонниками. Хотя у них и сохраняется духовенство, но уважение, оказываемое ему, чисто внешнее»³⁷. Это сухое, презрительное описание отличалось рационалистическим прагматизмом и далеко ушло от католической «московской идеи» в том виде, в каком она была разработана в XVI в.

Невилля интересовало не столько обращение русских в католичество, сколько возможность добиться для иезуитов и подданных Франции права проезда в страны Азии и ведения азиатской торговли через территорию России. А здесь французам мешали голландцы, «всегда завистливые к другим народам, что доказали они всеми учреждениями на востоке, стараясь захватить в свои руки всемирную торговлю и исключить из нее другие народы»³⁸. Показательно, что иезуит Невилль здесь уже не упрекал голландцев в «ереси», как это сделал бы Поссевино.

Интересно, что выход книги Невилля во Франции в 1699 г. вызвал скандал и был воспринят как антирусский памфлет³⁹, т. к. по времени совпал с подготовкой двух взаимосвязанных конфликтов — войны за испанское наследство и Северной войны, в которой Россия выступала как противник Франции (точнее, французского союзника Карла XII Шведского).

Подведем итог. В изучении особенностей формирования католического мнения о России важны такие моменты, как место и время. Хронологически мы можем разбить католические сочинения, посвященные Московии, на три группы: написанные до Тридентского собора (завер-

шившегося в 1563 г.) и начала Контрреформации (авторы — Альберт Кампенский, Иоганн Фабри, Павел Иовий), сочинения периода Контрреформации (главный автор — Поссевино) и публикации, следовавшие за подписанием Вестфальского мира в 1648 г. (авторы — де ла Невилль, Рейтенфельс). По «месту», т. е. по подданству и национальности автора, можно выделить «итальянский» блок, «германский» блок (эти два могут быть объединены в «имперский» блок, поскольку виднейшие авторы этих сочинений — Кампенский, Фабри, Иовий — были прелатами католической церкви на территории Священной Римской империи и, следовательно, действовали в рамках единого политико-религиозного пространства; отдельную группу представляют императорские послы — Герберштейн, Пернштейн, Майерберг, Корб и др.), а также гораздо меньший «французский» блок⁴⁰.

Соответственно, опираясь на анализ текстов упомянутых выше авторов, можно попытаться вкратце проследить изменение католической «московской темы». Сочинения, написанные до Тридентского собора, представляли ее идеалистически, произведения эпохи Контрреформации оказались более реалистичными, но все равно сохранявшими основную идею, которая заключалась в признании возможности скорого и прочного установления церковного единства путем вхождения России в «католическую семью» западноевропейских королевств. В.О. Ключевский отмечал: «Отличительная черта этих записок состоит в том, что составители их, не исключая даже и мрачного Поссевино, особенно выгодно отзываются о религиозном чувстве и набожности русских, только жалеют, что такая теплая вера и истинно христианское благочестие пропадают без пользы, за границей римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия»⁴¹. После окончания Тридцатилетней войны в 1648 г. религиозно-политический аспект в сочинениях авторов из католических стран заметно ослаб (самых сочинений тоже стало меньше). Исчез и прежний «универсализм» католических описаний: из служителей всемерного распространения католицизма авторы текстов превратились в дипломатических представителей католических корон, что само по себе ограничило их в изложении религиозных проблем: они оказались подчинены политическим соображениям королей и министров.

Священная Римская империя (если понимать папский престол как ее составную часть) проявляла к России гораздо больше интереса, чем любая другая католическая страна (возможно, за исключением Польши).

Идентификация социального и политического статуса авторов дает основания утверждать, что основу трудов на тему о России составляли работы либо дипломатов (папских, императорских, королевских), либо крупнейших прелатов римской церкви, т. е. лиц, непосредственно связанных с политическим курсом папства и католических корон. Это явля-

ется особо важным в сравнении с протестантским массивом литературы: он формировался несколько иным путем. Россией интересовались в основном частные лица, которые нередко выполняли роль послов протестантских стран в Московии. Но их волновали скорее вопросы экономического характера.

В итоге к началу XVIII в. позиции католической церкви в России не были сколько-нибудь прочными (не считая, конечно, присоединенных за счет Польши территорий), хотя нельзя отрицать некоторого влияния католицизма на жизнь русской церкви XVII – XVIII вв. Но с правлением Петра Великого открылась новая эра, когда протестантское влияние на Россию значительно превзошло католическое. Утрехтский мир 1713 г. сделал войны Людовика XIV достоянием прошлого; под религиозно-политическими конфликтами образца XVI – XVII вв. была подведена черта. Начиналась иная эпоха, эпоха Просвещения, в которой контактам такого рода была отведена другая роль.

Отметим, что изучение истории развития конфессионально-политического диалога России и Западной Европы должно быть дополнено исследованиями, касающимися участия протестантских стран в этом процессе. Эта весьма актуальная тема изучена еще хуже, чем участие в аналогичном процессе католиков, хотя протестанты играли огромную роль во внешних связях России уже в XVII в., а к началу XVIII в. влияние протестантизма на Россию стало еще более сильным.

¹ См.: *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о России. М., 1991.

² На наш взгляд, отношения России с Габсбургами (особенно австрийскими) оставались в целом позитивными и сбалансированными до середины XIX в., когда Россию и Австрию разделило соперничество за Балканы. Напротив, французская корона традиционно противодействовала России. Это видно, кроме прочего, из того, что «московская тема» во Франции была разработана куда хуже, чем в Германии, Англии или Голландии.

³ Об этом переходе гегемонии в стане католиков см.: *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. Гл. 11–12.

⁴ *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. М., 1963. С. 165.

⁵ *Контарини Амброджо.* Рассказ о путешествии в Москву в 1476 – 1477 гг. // *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев.* Л., 1986. С. 23.

⁶ См.: *История Европы.* Т. 3. С. 148.

⁷ *Кампенский Альберт.* О Московии // *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы.* М., 1997. С. 114–115.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ *Кампенский Альберт.* О Московии... С. 97.

- ¹⁰ Там же. С. 181.
- ¹¹ Там же. С. 182.
- ¹² *Фабри Иоганн*. Религия московитов // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 201.
- ¹³ *Иовий Павел*. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 279.
- ¹⁴ Там же. С. 282.
- ¹⁵ *Фабри Иоганн*. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 88–89.
- ¹⁷ Там же. С. 92.
- ¹⁸ Там же. С. 106.
- ¹⁹ *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1981. С. 79.
- ²⁰ *Бемер Г.* История ордена иезуитов. Смоленск, 2002. С. 198.
- ²¹ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 62.
- ²² Там же. С. 63.
- ²³ Там же. С. 66.
- ²⁴ Там же. С. 71.
- ²⁵ Там же. С. 31.
- ²⁶ Там же. С. 26.
- ²⁷ Там же. С. 218.
- ²⁸ Интересно, что факт занятия Москвы поляками во время Смуты был расценен общественным мнением протестантских Англии и Голландии как очень тревожное событие.
- ²⁹ Это, безусловно, тема для дискуссии. Существуют разные взгляды на этот счет, в т. ч. и мнение о том, что религиозные мотивы уже не играли никакой (или *почти* никакой) роли в войнах Людовика XIV и вообще в конфликтах конца XVII – XVIII вв. (см., например: *Черняк Е.Б.* Вековые конфликты. М., 1988). Мы бы не хотели заявлять об этом столь категорично. На наш взгляд, религиозный фактор исчезает с политической сцены лишь к моменту Великой французской революции, продержавшись в течение всего XVIII в. как значительный элемент развития международных контактов.
- ³⁰ Нет недостатка в русскоязычной литературе на тему участия России в Тридцатилетней войне. См: *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- ³¹ Учитывая, что именно в это время в Польшу с разных сторон вторглись войска протестантов – шведов,-brandенбуржцев и трансильванцев, можно сказать, что здесь Россия и протестантский лагерь действовали против католиков совместно. Это нашествие всегда было национальной трагедией Польши и постоянным предметом внимания польской общественной мысли – от К.Валишевского до Г.Сенкевича (роман «Потоп»).

-
- ³² Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 183.
- ³³ Крижанич Юрий. Политика. М., 1965. С. 489–490.
- ³⁴ Не вполне ясно, кем именно был Невилль, не является ли это имя псевдонимом и т. д. Точно известно что он был иезуитом и французским дипломатическим сотрудником, взаимодействовавшим с французским послом в Польше маркизом де Бетюном (все это в значительной мере отражено и в тексте сочинения Невилля и поэтому не должно вызывать у нас сомнений).
- ³⁵ Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов, 2003. С. 44.
- ³⁶ О русско-французских отношениях см.: Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в.: В 2 ч. Тбилиси, 1959.
- ³⁷ Невилль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 520.
- ³⁸ Там же. С. 528.
- ³⁹ Бочкарев Н. В. [Приложение I] Сведения об иноземных авторах // Московское государство XV – XVII вв. по сказаниям иностранцев. М., 2000. С. 240. См. также: Лавров А. С. Записки о Московии и их автор // Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996.
- ⁴⁰ Для протестантских сочинений соответственно можно выделить «английский» блок, «голландский» блок, «датский» блок, «германский» (протестантский) блок сочинений.
- ⁴¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 10.